

«КПСС бережно, уважительно относится к таланту, к художественному поиску. В то же время она всегда боролась и будет бороться, опираясь на творческие союзы, на общественное мнение, на марксистско-ленинскую художественную критику, против проявлений безыдейности и мировоззренческой всеядности, эстетической серости, ремесленничества».

(Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза).

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. Пристального анализа и поистине всенародного большого совещания, разговора о том, как нам следует жить, работать, творить. Ежедневно в центральных газетах появляются статьи о проблемах литературы, театра, кино. Крупнейшие мастера М. Ульянов, М. Рошин, М. Захаров, А. Гончаров с тревогой говорят: так дальше работать нельзя. Казалось бы, выдающимся мастерам нет оснований тревожиться, их спектакли, пьесы, роли получили высокую оценку. Но гражданская совесть не позволяет благодумствовать, упиваться собственными успехами, если рядом возможна безликая серость.

И только в нашем театральном мире царит полная умиротворенность, словно центр нашего искусства переместился из Москвы и Ленинграда в Краснодар. У них там есть проблемы — пусть и обсуждают, волнуются, ищут новое, а здесь, у нас, все в порядке.

А между тем реальное положение совсем иное. Лишь 40 билетов на спектакль мы продаем через кассы и играем нередко не для людей, а для пустых кресел. В последнее время мы придумали себе удобное объяснение: зритель у нас инертный, привязан к телевизору и театр в упор видеть не хочет. Я все же думаю, что дело не в этом, хотя, разумеется, есть и такой зритель.

Полтора года назад в «Комсомолец Кубани» была напечатана статья Виктора Лихонцова «О правде творчества и «искусстве» круговой поруки». Собратьев по перу, по творчеству писатель призвал вспомнить о истинном творческом достоинстве и высоком предназначении, не мешать себя ничтожными, малозначительными «успехами», в коих «повинны» не талант, а пробивные способности или снисходительное отношение к творцам.

Так что же изменилось с тех пор? Какими открытиями, открытиями озарила и порадовала нас книга ли, спектакль, картина? Что изменилось в самом подходе, отношении к работе, сотоварищей по творческому цеху? Избавились ли мы от уничижительного и снисходительного «ничего, пойдет»? А если все осталось по-прежнему, так не пора ли нам вернуться к разговору о том, как нам же все-таки должно быть наше искусство. Это тем более необходимо сейчас.

Выполнить высокую миссию эстетического воспитания личности способны только яркие, талантливые произведения, которые с партийных позиций, с позиций истинной гражданст-

венности, а не показушной, отращают всю нашу сложную, многогранную жизнь, наше время.

Так вот мы, наш драматический театр, сегодня не можем утвердительно ответить на вопрос: «А все ли мы сделали, чтобы быть достойными этой миссии?» По-прежнему мы вынуждены навязывать себя зрителям. А наша задача —

лленная русская классическая пьеса. И отчего мы так болезненно внимательны к количеству спектаклей и так снисходительны к их качеству?»

Спектакль должен рождаться по порыву художника, а не по указке свыше, он должен быть выстрадан. Тогда можно говорить об искусстве, тогда будет результат. А скороспелые поделки только дискредитируют

дельно для полеводов, мелиораторов... Тогда уж давайте возвращаться к колхозно-совхозным театрам.

Итак, дальше. Поставили мы такой спектакль и начинаем думать: он, разумеется, не из долгожителей, ломиться на него зрители не будут. Надо чем-то уравнивать, чтобы спасти план. И тогда в репертуаре появляется какая-нибудь веселая, развлекательная безделушка. И так бесконечно.

Почему же мы так податливы и безразличны к репертуару? Почему нас мало тревожит то, что будущая постановка, заранее обречена на провал? Да потому, что совершенно уверены: сколько бы не жил спек-

сделать ничего не можем. То есть, мы можем вести с ними нравоучительные беседы, призывать к совести, а они только ухмыляются про себя. Директор театра, главный режиссер — беспомощны, уволить их не имеют права. Не парадокс ли? Мы можем принять на работу актера, а уволить не можем. Надо ждать очередного конкурса (он бывает раз в пять лет), но и в этом случае все решает художественный совет. Кстати, совет всегда может найти какие-то «уважительные» причины и бесталанный актер останется в труппе. Убежден, что полномочия директора и главного режиссера, которые определяют эстетическую платформу в решении кадровых вопросов, должны быть более широкими.

Так что же следует делать, чтобы наш театр стал «общественной кафедрой»? Прежде всего, коллективу необходима четкая гражданская и творческая позиция, надо понять, во имя чего мы работаем, что хотим поведать миру, обрести, наконец, свою тему. Только тогда у творческого коллектива появится свое лицо, свой голос, художественная концепция.

Более принципиальную позицию следует занимать и в планировании репертуара.

Признаком гражданской зрелости коллектива является то, что мы часто, готовясь к знаменательным датам, хватаясь за слабые пьесы и инсценировки. Для нас главное в этом случае — тема современная, а не воплощение ее, дух, мастерство, честность и открытость. И это наша серьезная и принципиальная ошибка. В этом случае потери неизбежны, неудача заранее очевидна.

Конечно, в идеале необходимо ставить меньше спектаклей, чтобы не ошарашивать зрителей количеством, а потрясать качеством, уровнем, глубиной правды наших постановок.

Намерены мы серьезно пересмотреть состав труппы. Будем приглашать актеров из других театров и специальных учебных заведений страны. Но для начала нам нужно избавиться от балласта. Уверен, что своевременен и актуален разговор о материальной заинтересованности режиссера в качестве, в конечном итоге его труда. Это позволит нам повысить уровень спектаклей. Необходимо, на мой взгляд, создать единую режиссерскую коллегию и объединенный художественный совет. Только в этом случае более продуманным будет репертуар различных театров края, а главным мерилком станет творческая значимость, художественный уровень, а не личностное пристрастие.

С. КОНЧЕВСКИЙ,
директор Краснодарского краевого драматического театра имени М. Горького.

СОЗДАВАТЬ ИЛИ ПРОЗЯБАТЬ?

воспитать потребность в искусстве, театре. В чем же дело?

В годы последней пятилетки коллектив поставил более сорока спектаклей. Цифра внушительная и для столичного театра небывалая. Но какой из этих спектаклей стал событием, заставил о себе говорить, взволновал людей? Да никакой. Судите сами. Два спектакля на сцене не прошли и десяти раз, восемь — менее двадцати, семнадцать — менее тридцати раз. Спектакли-недолгожители стали для нас чуть ли не нормой. Но сказать себе: я поставил плохой спектакль, я создал неудачный, неточный, неузнаваемый образ — человеческого, гражданского мужества не достает. Вот и ищутся причины неудач вне театра. А причина налицо — непродуманное формирование репертуара.

Ох уж этот репертуар, который нам загодя расписывают. Нужен спектакль к знаменательной дате — раз. Спектакль для сельского зрителя — два. Один для детей, два для подростков... От нас требуют сценического отклика к каждой кампании, словно сделать спектакль — это то же, что написать передовую статью. Вот что пишет по этому поводу А. Гончаров: «До каких пор мы будем понимать отклик театра на годовщины, связанные с важнейшими событиями славной истории нашей страны и трудовыми буднями, так узко и однолинейно. Ведь достойным словом театра в адрес того или иного события или даты может стать, и я в этом уверен, и своевременно, талантливо постав-

идею. Ибо за основу, как правило, берется усредненная пьеса, режиссер делает усредненный спектакль, в котором так же усредненно играют актеры. И результат тоже — усредненный. Достаточно вспомнить «Преодоление», «Рубиновые всполохи», «За все хорошее — смерть» и другие.

Чтобы поднять качество спектаклей, нужно сократить их количество. Но тогда под угрозой окажется финансовый план. Чтобы его выполнить, мы должны «гнать вал». Вот и рождаются спектакли, в которых нет ни правды, ни боли. И после первых же премьерных показов они начинают тихонько исчезать из репертуара.

Мы говорим о смывке города с доревней. На деле же часто все выглядит иначе. Те спектакли, что неплохо принимают горожане, совсем не идут на селе. Не мы ли сами извратили вкус сельчан? Издавна так повелось, что ежегодно при обсуждении репертуара нам неизменно задают вопрос: где пьеса для села? И мы начинаем судорожно искать ее. То, что такие пьесы дефицит — не секрет. И все же — вынь да положь. И мы берем первую же попавшуюся. Ну, например, «Смешной день».

Почему считается, что сельский зритель настолько узок, что ему нужна непременно пьеса про него самого, что классика ему не интересна? Если следовать этой логике, то нужно ставить спектакли от- дельно для механизаторов, от-

такль — месяц или год, — все равно зарплату получим. Чтобы изменить ситуацию, надо сделать режиссера материально заинтересованным в творческом итоге, в постановке ярких по форме и глубоких по мысли спектаклей. Спектаклей талантливых. Он должен получать отчисления от каждого сыгранного спектакля. Вот тогда режиссер будет заинтересован в том, чтобы новая его работа обрела настоящую жизнь, чтобы она была принята зрителем.

Еще одна наша беда — актерский состав привык оперировать цифрами. Вот, пример: некоторые наши актеры на протяжении ряда лет не выполняют и пятидесяти процентов нормы. Это значит, что они в театре появляются всего лишь несколько раз в месяц. Беспокоит ли их это? Нет. Потому что зарплату они получают стопроцентную. И потом так легко и удобно объяснять свою незанятость в репертуаре «предвзятым» отношением режиссера. Гонор, самонадеянность! Какая это страшная черта для творческого работника. И, как правило, чаще всего она присуща провинциальным актерам. Культуры, благородства, гражданского чувства и профессионального достоинства не хватает, чтобы быть честным и беспристрастным к себе, не любоваться своей персоной, а работать до пота, до изнеможения.

Есть и в нашем театре актеры несостоявшиеся, которым нечего сказать людям и которые поэтому людям не интересны. Мы это понимаем, но